

Мандельштам Осип
Эмильевич
(1906 XX века.)

16.2.02

Мандельштама обелили во Владивостоке

Новые известия — 2002 — 16 фев. — с. 7.

Андрей КАЛАЧИНСКИЙ,
«Новые Известия»,
Владивосток

Во Владивостоке опять покушались на памятник поэту Мандельштаму. *Осип*

Четыре года назад он впервые был установлен в небольшом сквере обычного жилого района. Ни центральной улицы, ни оживленной трассы здесь нет. Зато в сотне метров находился пересильный лагерь, где в последний раз его видели. Как и полагается по легенде, поэт читал у костра свои стихи уркам. Некоторые считают, что он здесь и умер и погребен где-то в общей куче доходя. Яму засыпали известью, завалили землей и про нее забыли. Потом уже сталинизм оказался в могиле, и здесь началось строительство домов. Копали под фундамент и нашли косточки. Кто-то из преподавателей местного филфака посмел напомнить о Мандельштаме. И незадолго до «перестройки» во Владивостоке выпустили крошечную книжечку его стихов, и, кажется, впервые в советской стране здесь было напечатано знаменитое «Мы живем, под собою не чуя страны». Для той поры это была отличная фронда местной интеллигенции, но как-то все обошлось. В общественное сознание было вброшено: Владивосток — последний приют Поэта. Хотя не меньше оснований считать, что его все-таки погрузили на судно, и умер он то ли на пути к Магадану, то ли уже там.

Местный скульптор Валерий Ненаживин взял на себя смелость сделать макет памятника. Я был в его мастерской, и мне показалось, что это Ненаживин, перебрав варианты, остановился

на самом трагичном. Как известно, Осип Эмильевич не отличался большой красотой и характером был скверного. Кто-то из советских писателей с умилением вспоминал, что поднимался по лестнице к квартире поэта, а сверху, навстречу ему, рушились по ступеням два поэтических тельца и на площадке гремел Осип Эмильевич: «Их, видите ли, не печатают! А меня! Печатают? А Иисуса Христа печатали?».

Ненаживин сделал поэта страдающим. Но нимба из колючей проволоки на чело ему не надел, поэтому, слава Богу, памятника жертве сталинских репрессий не получилось. А какой поэт не страдает, ежели он гений? Тем более Мандельштам с его акмеизмом. Когда его попросили дать определение этого литературного течения, он сказал: «Тоска по мировой культуре». Почитайте «Разговор о Данте» — Мандельштам явно хотел стать Вергилием, чтобы провести читателя по лучшему литературному аду.

Первый сборник Мандельштама назывался «Камень». Имя воспетой столицы — Петербург — тоже основано на петрос — камне. Поэтому логично было бы, чтобы и памятник был из камня или хотя бы постамент был из камня. Но Ненаживин хотел бронзу. На бронзу денег ни у кого не было: ни у властей, ни у местной интеллигенции. Тогда скульптор на свои деньги отлил Мандельштама в бетоне в качестве временного варианта — приближалась какая-то круглая дата, кажется, 60 лет со дня (днюто неизвестен) его смерти.

Но Ненаживин, конечно, вызолотил бетон, так что местный люд, сшибавший копейчку во роством латунных и медных

табличек со старого кладбища, расположенного неподалеку, пришел в необыкновенное воодушевление. Среди этой публики разнесся слух, что «статуя — бронзовая», и спустя некоторое время поэту отколотили некоторые части.

Все, конечно, оскорбились. Власти посетовали на низкий культурный уровень местных обывателей и пообещали «отлить поэта в металле». Три года собирались деньги, причем в основном активностью Русского ПЕН-центра и мандельштамовского общества. Приехал Битов. Скульптуру вновь установили на прежнем месте. Теперь она была из чугуна. И вот вчера какой-то чудак облил ее белой краской.

Ненаживин опять страшно расстроился и сказал, что памятник надо перенести из этих бескультурных задворков куда-нибудь в центр, а еще лучше установить в здании.

Как писал Бродский, «есть некая ужасающая логика в местоположении концлагеря, где погиб Осип Мандельштам в 1938 году: под Владивостоком, в тайниках подчиненного государства пространства».

Трудно назвать Мандельштама «гражданским поэтом», хотя именно его перу принадлежит строка: «Власть отвратительна, как руки брадобрея». Куда больший универсум заключен в других строках: «Бессонница, Гомер, тугие паруса, я список кораблей прочел до середины. Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный, что над Элладою когда-то поднялся...».

И море, и Гомер, все движется любовью. Простим же озорника с краской. Поэт бы точно простил.